

Мазай Макар Никитич

Записки сталевара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М15

М15 **Макар Никитич М.**
Записки сталевара / Мазай Макар Никитич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 158 с.

ISBN 978-5-519-94617-9

ISBN 978-5-519-94617-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Выступление Макара Мазая на Чрезвычайном VIII
Всесоюзном съезде Советов
С картины художника Ф. А. Модорова*

ОСЕНЬЮ 1935 г.

На завод я пришел в 1930 г. почти совершенно не грамотным. Полторы зимы учился в сельской школе, немного осталось у меня от этой учебы.

Из станицы нас приехало пятеро. В Мариуполе на заводе им. Ильича тогда работало несколько наших земляков. Мы явились на биржу труда, и всех нас направили на завод.

16 августа 1930 г. во вторую смену я вышел на работу. Работать в цехе, где все дышит огнем, непривычному человеку трудно. А тут, как на грех, стояла жара, и даже старожилы цеха работали с большим напряжением. Четверо из нашей пятерки на второй день не вышли на работу. Я остался один. Не скажу, что работа в горячем цехе мне сразу понравилась. И я не меньше моих товарищей-станичников почувствовал трудность работы в мартеновском цехе. После первого дня работы у меня кружилась голова. Сразу пришла мысль уйти из цеха, но я ей не поддался, не последовал примеру моих земляков.

Живут же люди на заводе, привыкли и неплохо живут. Надо здесь осесть, подучиться, получить специальность. К жаре можно привыкнуть.

Мне тогда шел 21-й год, позади у меня был короткий, но сложный жизненный путь, полный ухабов и рытвин. Хотелось где-то осесть, найти настоящее применение своим крепким рукам. Со станицей я свои счета покончил. Там у меня ничего не было.

Первые дни пребывания в Мариуполе я жил у нашего станичника Головченко.

На второй или третий день я познакомился с таким же молодым рабочим, как и я, с т. Подрезовым. Нас определили в одну бригаду, мы и держались вместе.

Большое внимание нам уделил сталевар т. Махортов. Он тогда был помощником мастера. Внимательный и чуткий, он понял наше состояние и помог нам освоиться. Помню первый урок, который он нам дал. Просто и понятно он рассказал о наших обязанностях, сообщил основные правила технической безопасности. Это было особенно важно: пропал нелепый страх перед огнем.

Немного позже он нам объяснил и сущность процессов, происходящих в печи. До этого у меня были очень упрощенные представления о металле. Почему-то я считал, что металл добывается готовым из земли.

Работа на заводе мне понравилась. Уже тогда я стал понимать, что передо мной та самая дорога, которую я искал.

Я остался работать на заводе.

Прошло почти два года. Это были годы первой пятилетки, годы бурного подъема хозяйства страны. Завод рос, выплавка стали увеличивалась, старых сталеваров не хватало. Вопрос о подготовке кадров поставили на обсуждение комсомольского комитета. Речь шла о том, чтобы сломить утвердившееся убеждение, что раньше чем в 5—10 лет нельзя подготовить хорошего сталевара.

Раньше, чтобы стать сталеваром, надо было пройти долгий путь. В старое время редко можно было встретить сталевара моложе 40 лет. Путь к печи лежал через много препятствий. Несколько лет надо было проработать чернорабочим, и лишь счастливым удавалось попасть в подручные. Подручные делились на три категории—первый, второй и третий подручный. На каждой должности люди выдерживались годами. Чтобы

стать сталеваром, надо было заслужить доверие мастера и закрепить его солидным «магарычем».

Вопрос о подготовке сталеваров обсуждался сначала в цеховом, а затем в заводском комсомольском комитете. Всюду юн встречал горячую поддержку, и осенью 1932 г., в Международный юношеский день, была создана первая комсомольская бригада на мартеновской печи.

Я был тогда комсомольским группоргом смены и работал первым подручным. Кто-то предложил создать на одной печи комсомольский коллектив. Меня выдвинули в качестве сталевара этой печи. Выдвижением меня в сталевары, признаться, вначале я и сам был немного обескуражен,—такого быстрого роста я не ожидал. Но раз выдвинули—надо работать.

1 сентября 1932 г. я впервые встал на вахту к мартеновской печи. Старики-сталевары встретили мое назначение не очень дружелюбно. Они довольно откровенно называли меня молокососом. Не скажу, чтобы это меня не обижало, но тем сильнее было мое стремление добиться успеха. Наш молодежный коллектив был крепким. С первых же дней работа пошла хорошо.

Освоение новой профессии шло, однако, не так гладко, как этого хотелось бы. Состав бригады часто менялся, завод работал лихорадочно, нехватало кранов, завалочная машина не справлялась с загрузкой всех печей, работать становилось все труднее, плавки оставались в печи по 12 часов и более. Цех не выполнял плана. Мы нервничали, бегали, суетились, работа шла плохо.

Мастером цеха был тогда Иван Семенович Боровлев. Старый сталевар с богатым опытом, он с виду казался суровым и замкнутым. Он терпеть не мог беспомощных людей, не умеющих создать себе для работы необходимые условия. Как-то случилось, что у меня плавка просидела в печи не то 14, не то 16 часов. Пришел Иван Семенович и стал меня отчитывать. Но

я виновным себя не считал. На упреки Боровлева я ответил ссылками на всякие причины, которые, мол, мешали работать. Разговор вышел у нас крупный. Боровлев, обычно спокойный, вскипел. Я тоже не смолчал. Кончилось тем, что Боровлев настоял на том, чтобы меня перевели в подручные.

Это было ударом и по самолюбию и по карману. Пришлось идти в комсомольский* комитет добиваться восстановления. Меня снова поставили сталеваром и перевели из первого во второй цех.

Признаться, нам тогда сильно нехватало сознания ответственности за работу завода, за его победы и поражения. Я, как и многие молодые рабочие, смотрел на свою работу узко, со своей колокольни. Иной раз мы спокойно проходили мимо серьезных упущений производства, а свои собственные грехи готовы были объяснить всякими не зависящими от нас обстоятельствами. Вместо того чтобы негодовать, мы порой смеялись над нелепыми распоряжениями мастера или других лиц администрации. Все это можно объяснить только тем, что политическое воспитание рабочих-новичков было тогда слабым.

Во втором цехе я встретился с молодым начальником смены комсомольцем Моисеевым. На новом месте я работал так же, как и на старом: ждал, пока мне принесут все готовенькое. Словом, работал, как принято говорить, по-казенному. Тут-то в меня вцепился Моисеев. Он был моложе меня, и его выговоры не носили характера суровых внушений, какими были наши разговоры с Боровлевым. Все же мы часто говорили с ним повышенным тоном. Несколько раз Моисеев грозил мне увольнением, а я все еще работал с холодком, или, как говорит Боровлев, по «старому стандарту».

Как-то завалка шихты в печь затянулась на 4 часа. Моисеев вспылil и стал кричать, что он меня снимет с работы. Он уж было разбежался к начальнику цеха писать приказ, но затем остыл.

Через час или два Моисеев снова пришел ко мне:
— Макар, давай поговорим по душам.

Я ему говорю:

— Давай! Если по душам, тогда дело другое. А то зарядил: уволю, да уволю...

Моисеев видно понял, что увольнением меня не испугаешь.

Чего мне бояться: уволят с завода Ильича, поеду на любой другой завод, рассуждал я.

Впрочем, я не хотел уходить с завода. Он стал для меня родным. Здесь я обрел цель жизни, в комсомольской работе находил удовлетворение своим общественным стремлениям. Я сознавал, что это—мой завод, но работал плохо, не умел еще тогда работать, не понимал, как оседлать технику, слишком узко смотрел тогда на роль сталевара.

Разговор с Моисеевым вышел серьезный. Сначала мы пытались разделить ответственность: в одном виноват я, в другом—мастер, в третьем—начальник смены, а в четвертом—еще кто-то. Спорили мы долго. Наконец, Моисеев мне сказал:

— Знаешь что, Макар? Во всем виноваты мы оба: ты да я.

Я удивился.

— То-есть как так? Как я могу отвечать, если скрапу не было и завалка...

Моисеев меня прервал:

— Брось, ты ведь комсомолец! Завод-то ведь наш! Твой! Мой! Так и будем отвечать вместе *за все!* Надо навести порядок *во всем...*

Сильно подействовал на меня личный пример Моисеева. Несмотря на свою молодость, он достиг очень многого. Сын кадрового рабочего, он в 17 лет стал горновым на домне, затем перешел в мартен. Благодаря личным способностям он быстро выдвинулся и был назначен начальником смены. Это—огромное доверие! Молодой парень не знал на производстве усталости. Ра-

ботая начальником смены, он одновременно учился в Металлургическом институте.

Моисеев все это мне рассказал и между прочим вспомнил, как работали и как жили раньше. Его отец—старый паровозный машинист—40 с лишним лет провел на заводе.

— А ты ведь не на капиталистов работаешь,—закончил разговор Моисеев,—как же ты можешь стоять «руки в брюках», если видишь, что в цехе дело не ладится? Ты не должен дожидаться, чтобы тебе кто-то создал «условия» для хорошей работы. Надо драться за обеспечение этих условий!

Из этого разговора я извлек для себя серьезный урок—никогда не ждать, пока мне все подадут. В жизни и на производстве, решил я, надо уметь все брать самому. Вспомнились слова великого Сталина: победа никогда не приходит сама, ее обычно притаскивают. Тогда-то я понял, чего мне больше всего нехватает—грамоты, знаний. Я был почти совершенно неграмотным, едва умел подписываться, заказ на плавку прочитывал с трудом. Я был комсомольцем-активистом, но не читал ни газет, ни книг.

Я—неграмотный! Эта мысль меня поразила, как будто я вдруг обнаружил в себе порок, о котором раньше и не подозревал. Сначала я приуныл; мне казалось, что учиться уже поздно. Часто пытался утешить себя тем, что люди век проживали и без грамоты и без знаний, а какие еще сталевары из них получались!

Сомнения кончились после разговора в комсомольском комитете. Надо мной посмеялись:

— Какой старик нашелся!

Мне стали указывать на пример многих инженеров завода, в прошлом рабочих. Это было для меня открытием.

— Стало быть, и я когда-либо могу еще стать инженером,—подумал я.

Это была дерзкая, но очень соблазнительная мечта.

Лежа на койке в общежитии, я иногда предавался таким мечтам. Это заставило меня поскорее взяться за учебу. Я начал с ликвидации своей неграмотности. Через год поступил на профтехкурсы, а в 1933/34 г. уже учился на заочных курсах для сталеваров при Днепропетровском горном институте.

К осени 1935 г., когда по нашей стране с огромной силой развернулось великое стахановское движение, я был уже довольно опытным сталеваром. Появились первые стахановцы-сталевары и на нашем заводе. Работали тогда с большим подъемом. Даже ходить как-то быстрее начали в цехе. Раньше рядовой сталевар не думал, почему дается столько мазута, а не больше и не меньше, через какие промежутки времени производить перекидку клапанов, сколько руды дается в шихту и какую роль она играет. Сталевар знал, *что* и *как* делать, но *почему* делается так, а не иначе, он редко задумывался, и еще меньше думал он о том, как бы сделать по-иному, получше. Все это мы считали делом инженера. Сталевар знал свою инструкцию и соблюдал ее.

И вдруг—все в цехе завертелось, зашумели, заговорили:

— Как же, мол, так? Стаханов под землей работает и сумел за семерых сработать, а мы чем же хуже?!

До начала стахановского движения сталевары жили замкнуто, мало интересовались тем, что происходит на других заводах. Как говорится, дальше своего носа ничего не видели. Теперь мы внимательно стали следить за работой других заводов. В газетах замечали фамилии первых стахановцев-сталеваров. Особенно выделялись наши соседи-таганрогцы и сталевары с заводов им. Дзержинского и им. Коминтерна. Стахановцы рассказывали о таких высоких съемах стали, что на первых порах они казались фантастическими.

Первыми стахановцами на нашем заводе были старые

сталевары Моисеенко, Дедыш, Иван Шашкин¹ и др. Они проводили плавки в 8—9 часов и давали вместо 3—4 тонн по 7—8 и больше тонн с квадратного метра пода печи.

Я не был среди первых стахановцев завода. Не удавались мне такие рекорды, какие показывали Шашкин и Моисеенко. Все случались какие-то задержки и неполадки.

Я крайне досадовал на себя, хотя внешне виду не подавал и даже старался подчеркнуть, что мне это все, мол, безразлично, но когда я оставался один, брался за газеты, читал и перечитывал статьи сталеваров, старался уяснить, в чем же дело, почему мне не удастся то, чего достигают другие.

Никак не хотелось согласиться с тем, что Моисеенко и Шашкин могут давать высокие съемы, а я не могу.

Моисеенко и Шашкин были опытнее меня, они успели сварить тысячи плавок. Шашкин к тому же был большим смельчаком и отличным организатором. Но у меня было перед ними одно преимущество: и Шашкин и Моисеенко работали по-старинке, в теории они были очень слабы и этим как будто даже бахвалились. Я же успел пройти курсы сталеваров и учился на заочных курсах Днепропетровского горного института.

Прошли октябрьские праздники. Стахановское движение разливалось по всей стране широкой волной. Как река в половодье, оно захватывало все новые и новые массы.

Из Москвы пришла телеграмма: командировать наших стахановцев на Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев промышленности и транспорта. От нас поехали Моисеенко и Дедыш.

¹ И. А. Шашкин безвременно погиб в октябре 1938 г., попав под трамвай.